

НАСОНОВА Людмила Ивановна — д.филос.н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Академии Следственного комитета Российской Федерации (125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, 12)

ЛАЗЕБНЫЙ Леонид Иванович — д.филос.н., профессор кафедры социологии Российского государственного социального университета (129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1)

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ: ЭВОЛЮЦИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОГО СТАТУСА

Аннотация. Статья посвящена анализу трактовок понятия власти в современной политической науке. Итогом анализа выступает оценка понятия власти как феномена обыденного сознания, что и обосновывает введение в политическую науку понятия политического, которое обладает статусом научной категории. Вследствие этого происходит значительное расширение и изменение качества объекта теоретического знания.

Ключевые слова: власть, политическое, обыденное сознание, категориальный статус

При постановке и осмыслении проблем развития российского общества, и в т.ч. проблем преодоления кризисных явлений в экономике и политике, наибольшую остроту обнаруживает проблема противоречия между задачами развития и существующей политической системой. Решение этих задач требует мощных усилий со стороны всего общества, всех его слоев и групп, подъема творческой энергии большинства народа; в то же время влияние традиций на характер власти в ее различных формах часто оказывается реальным препятствием для любых социальных инноваций. И это происходит не из злонамеренного препятствования любым изменениям, но просто из неприспособленности существующей власти к единственно эффективному в современной жизни действию — частичному ограничению собственной тотальности и передаче властных функций тем, кто способен и имеет возможность их выполнять. При попытке теоретического анализа этого положения неизбежно приходится обращаться к исследованию самого понятия власти.

Сложность теоретической постановки и решения проблем общественной, в особенности духовной, жизни, помимо прочего, состоит в том, что сами термины (призванные выражать категориальные понятия) неясны, туманны, обладают каждый в отдельности различными значениями, которые зачастую смешиваются, подменяют друг друга. Это можно продемонстрировать на примере понятия «идеология», с которым связаны самые разные смысловые ассоциации: идея, доктрина, теория, наука, вера, ценность, убеждение, миф, утопия, истина, познание, интерес и т.д. То же самое можно сказать об основополагающих понятиях и категориях социально-политического характера, таких как «власть», «политика», «свобода», «права человека», «демократия», «равенство». Они нуждаются в тщательном исследовании, в установлении того, какое в них вкладывается содержание в каждом конкретном тексте.

Современные российские политологи выделяют ряд трактовок власти. Телеологическая представляет власть как способность достижения поставленных целей; бихевиористская характеризует власть как тип поведения, имеющий две стороны: командование и подчинение. Системная трактует власть как инструмент для обеспечения целостности, интегрированности, активности социальной системы. Структурно-функциональная трактовка представляет власть как способ самоорганизации человеческого общества, основанный на целесообразности разделения функций управления и исполнения. Реляционистская трактовка

рассматривает власть как взаимодействие между агентами, при котором один влияет на другого [Пугачев, Соловьев 2010: 50-51]. Нетрудно заметить, что как системная, так и структурно-функциональная трактовка раскрывают телеологический аспект власти как средство для достижения определенной цели: обеспечения целостности и активности социальной системы путем оптимального сочетания функций управления и исполнения (господства и подчинения). Иными словами, власть здесь определяется целью, требующей для своего достижения определенного действия.

Другая сторона такой концепции власти (как действия для достижения цели – некоего состояния социальной системы) – это ее понимание как результата, следствия некоторых социальных отношений, взаимодействий между элементами социальной системы. Власть сама есть порождение определенных отношений, она сама имеет объективные предпосылки собственного существования. Такова суть реляционистской трактовки власти: власть как отношение и власть как средство перехода от одной системы социальных отношений к другой системе, как средство перестройки или перераспределения отношений. А. Кожев отмечает, что «власть обязательно есть отношение (между действующей и страдающей сторонами); это, по сути своей, социальный, а не индивидуальный феномен» [Кожев 2006: 16]. Такое понимание власти выявляет ее объективный и даже субстанциальный характер как вещи, которой обладают и которую используют и осуществляют, создавая предназначенный для этого инструмент, а именно политику как сферу социальной реальности.

Приведенные выше трактовки понятия власти имеют четко определенный объективистский характер, т.к. складываются через признание объективно существующих социальных отношений, действий и поведения. Однако понятие власти имеет еще один аспект, имеющий основательную традицию, который можно было бы назвать субъективистско-психологическим. В рамках такого подхода власть трактуется как «значимый субъективный фактор политической эволюции» [Крадин 2010: 46].

Достаточно распространенным является психоаналитический вариант этого подхода, прослеживаемый в трудах З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, Б. Рассела и предусматривающий понимание власти как сублимации либидо. Схожее понимание мы находим в рамках бихевиористских представлений о природе власти как типе поведения, имеющего специфическую субъективно-личностную мотивацию: получение удовольствия от самой власти, от всего того, инструментом достижения чего является власть, – свободы, безопасности, богатства, жизненных благ [Пугачев, Соловьев 2010: 65]. Разумеется, субъектом власти здесь выступает индивид, поскольку поведение вообще служит характеристикой индивида.

Однако наиболее распространенным на протяжении длительного времени являлось и является сейчас понимание власти, связанное с такой областью человеческого духа, как воля – в позитивном или негативном (как ограничение другой воли) плане. М. Вебер писал, что власть означает любую возможность осуществлять внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана [Weber 1992: 28]. Такое психологическое понимание власти представлено в большинстве источников политико-философской мысли. Т. Парсонс называл властью способность принимать и навязывать решения [Парсонс 1998: 31]. П. Рикер представляет универсальный принцип власти как волевое желание, когда сам принцип волевого отношения связывает субъектов политики и власти, когда называют властью «общую силу, которая является результатом желания жить вместе, которая существует до тех пор, пока действует это желание» [Рикер

1995: 47]. Б. де Жувенель прямо отвергает понимание власти как объективного явления, считая ее иррациональной, признавая за ней «некое мистическое свойство, длительность, придающую власти влияние, которое нами не осознается и не подлежит суждению логической мысли» [Жувенель 2011: 51].

Современные российские исследователи в большинстве своем определяют власть как психологическое состояние или отношение, или просто акт воли. К.С. Гаджиев считает, что «под властью подразумевается способность ее субъекта (отдельной личности, группы людей, организации, партии, государства) навязать свою волю другим людям» [Гаджиев, Примова 2012: 48].

Проведем еще ряд сходных определений. «Власть — это волевое отношение между видами и группами, обеспечивающее доминирование одних над другими» [Куббель 1988: 28]. «Суть власти — в способности навязывать свою волю вопреки желанию других» [Кравченко 2010: 284]. «Результат власти как некоего действия необходимо рассматривать в непосредственной связи с тем, что называется намерением, или волей» [Желтов 2008: 30].

Субъективистская трактовка власти как акта воли ограничивает возможности ее рационально-теоретического анализа и приводит к выводу, что власть — это волевой акт в обстоятельствах, при которых рациональное действие неэффективно. В таком случае какой бы объективистско-теоретический анализ власти мы ни проводили, сам акт власти как феномен выпадает из предметной области и отражающей ее научной категориальной системы и становится явлением, не требующим теоретической рефлексии, т.е. явлением обыденного сознания. Так, психологизацию власти можно объяснить тем, что под напором объективных потребностей развития политической сферы обнаруживается теоретико-идеологическая несостоятельность власти и обнажается ее глубинный смысл: примат воли над разумом, прикрывавшийся в течении столетий идеей сакральности власти. Ведь чтобы осуществлять власть, необходимо отказаться от разума: принцип универсальности разума противоречит принципу парциальности (частности) власти. Обыденный смысл этого противоречия табуируется и поэтому приобретает «секретность». Из этих рассуждений можно сделать вывод о том, что в современную эпоху обыденный характер духовных образований, конституирующих политическую сферу политической жизни, демонстрирует себя наиболее откровенным образом. Различного рода «кратии» (демократия, аристократия, теократия, меритократия, ноократия, технократия и т.д.) есть не что иное как теоретические экспликации обыденных эмпирически проверяемых, доступных для каждого идей; на уровне теории эти идеи субординируются, подчиняются единому принципу и снабжаются следствиями.

Так же обстоит дело с понятием власти: уже этимологический экскурс показывает многоуровневость и многофункциональность феномена власти. Так, термин «власть» используется в самых различных ситуациях: он может обозначать субъекта, облеченного властью; орган власти; процесс и способ осуществления власти; право и возможности распоряжаться, лишение свободы путем навязывания воли; силу, обеспечивающую подчинение деятельности и др. Среди причин подобного явления можно, конечно, назвать прежде всего имплицитность этих понятий, проистекающую, в свою очередь, из их табуированности. Запрет на экспликацию указывает на типично обыденную природу этих понятий. Дело в том, что теоретическая экспликация, во-первых, может продемонстрировать их фиктивность при сопоставлении с той действительностью, которую они «должны» отражать; во-вторых, эта экспликация в большинстве случаев возможна только в виде развернутой теоретической концепции, которая может повлечь за собой концепцию прикладную, последняя же может оказаться концепцией революции. Именно потому в области политического знания до сих пор не намечены

в полной мере конкретные границы, круг проблем, институтов и феноменов, в комплексе составляющих объект научной дисциплины. Основной же социально-гносеологической причиной такого положения в политической теории является то обстоятельство, что ее фундаментальные понятия — это понятия обыденного сознания.

В обыденном политическом сознании складываются понятия власти, ее иерархии, господства и подчинения, структуры государственного устройства, функций и принципов формирования государственных органов. Именно в обыденном политическом сознании появляются представления об основании власти, в качестве которого может выступать воля народа, традиция, божественная благодать, сила, знание (тайное знание), достоинства, социальное происхождение, связь с судьбоносным для общества событием и т.д. В рамках обыденного создания осмысливаются характерные признаки власти, ее цели и средства, феномен лидерства, становление универсальных структур господства и подчинения, проблемы легитимности государственной власти, обстоятельства кризиса власти.

Именно в глубинах обыденного сознания вырезают основные противоречия в понимании власти, среди которых наиболее важными нам представляются следующие: во-первых, противоречие в понимании власти как принуждения (волевого акта) и власти как порядка; во-вторых, это противоречивое единство воли и свободы в самом феномене власти и в его осмыслении. В рамках первого отмеченного противоречия постоянно происходит борьба двух начал власти: начала насильственного, принудительного, силового и вследствие этого — неизбежно социально-конфликтного и начала организующего, интегрирующего. Неизбежность и вечность сосуществования этих начал выражается, например, в теории общественного договора.

Второе противоречие, более глубокое, характеризуется взаимодействием воли как субъективно-психологической предпосылки активной социальной деятельности (чрезмерный активизм которой может приобретать насильственные формы) и свободы как объективной возможности этой деятельности (интересно, что в русском языке слово «воля» имеет два значения: одно — приведенное выше, категориальное, и другое — обыденное, включающее в себя и содержательный план термина «свобода»). Можно было бы наметить диалектически противоречивое отношение двух обыденных понятий «воля» и «власть», каждое из которых раскрывает два аспекта власти: первое — имманентно-личностный, второе — аспект отчужденности) [Лазебный, Насонова 2009: 169].

В обыденном сознании власть всегда ассоциируется с мифом. Это касается прежде всего государственной власти, постоянно демонстрирующей безразличие как к потребностям населения, так и к собственным предписаниям. Политические и экономические государственные программы, как правило, сходят на нет, в лучшем случае — осуществляются в их небольшой части. Власть на местах более эффективна, но по традиции — за счет нарушения или игнорирования правовых норм. В любом случае в современном общественном сознании складывается образ власти как мифологического образования, онтологически входящего в систему духовной культуры, но мало соотносящегося с реальностью.

Власть как реальное волевое усилие даже уже не востребована, в большей мере надежды на разрешение проблем возлагаются на естественный выход из сложной ситуации. Мифологизации власти весьма способствуют средства массовой информации, представляющие власть в контексте виртуальной реальности. В большинстве научных трудов власть трактуется как феномен, неразрывно связанный со сложной специализированной и профессиональной деятельностью государственной машины. Власть понимается как в принципе недоступная ни для понимания, ни для ее реального оперативного

использования именно в силу ее высшего социального, идеологического и теоретического статуса.

Вспомним общее положение о том, что обыденное сознание отражает общественную жизнь более непосредственно, чем теоретическое, хотя и на уровне явлений. Поэтому и изменения в общественной, в т.ч. и политической, жизни обыденное сознание отражает раньше и быстрее, хотя часто и в имплицитных формах. Более того, в «эпоху перемен» обыденное сознание активизируется, прорываясь и просачиваясь в высшие сферы общественного сознания через трещины ломающегося панциря власти: если государство престаёт нуждаться в услугах науки ради рационализации жизни, а сама наука отвергает некоторые свои стратегии как репрессивные, то оказывается, что в качестве высшей ценности, регулятива и границы познания не может не выступать именно повседневность как форма протекания человеческой жизни, как целостный социокультурный мир человека. Наиболее благоприятствующие эмансипации обыденного политического сознания условия заключаются в реальной активизации властных отношений на нескольких уровнях и резком повышении их социальной значимости. Дело в том, что в современном обществе власть не просто возвышается над всеми остальными общественными сферами, политические отношения размещаются в «социально-политическом пространстве» общества между центральными государственными институтами власти и обществом с присущими ему самоорганизующимися регулятивными процессами, общественным самоуправлением в межличностных отношениях, внутри малых групп, неформализованных общностей. Именно противоречивые взаимоотношения между средними слоями власти оказывают реальное влияние на изменение всей сферы политической жизни, и политического сознания в частности. Факт наличия многоуровневой (а не тоталитарно-централизованной) политической власти осознается в рамках обыденного сознания, порождая либо оптимистический либерализм, либо политический нигилизм – в зависимости от конкретных обстоятельств [Лазебный, Насонова 2009: 127]. Любая трансформация власти – по вертикали и горизонтали, взаимоперемещение ее уровней – приобретает критический характер: специалисты не успевают реагировать на изменения, не справляются с непредвиденными ситуациями, поскольку вся практика развитого политического аппарата настроена не на рациональное решение, а на стереотипную реакцию; многочисленные локальные политические сдвиги подрывают сами принципы существования власти.

Ощущение недостаточной обоснованности теоретического статуса понятия власти в свое время вызвало к жизни категорию «политическое». Именно она призвана была укрепить теоретические основы политического знания и придать ему формально-определенный характер. Выше речь шла о понимании субстанциальности власти. Однако власть может носить и атрибутивный характер, выступая как качество той или иной социальной подсистемы. Понимание этого нашло свое выражение в понятии «политического», введенном К. Шмиттом и прочно вошедшем в категориальный аппарат политической теории. Согласно К. Шмитту, политическое как особый социальный феномен проявляет себя в той мере, в какой социальные отношения «уплотняются», что происходит при необыкновенной интенсивности общественных противоречий. Константность же политического реализуется по преимуществу в латентных формах, на первый взгляд, не обладающих политической спецификой. Политическое пронизывает всю общественную жизнь, обнаруживает себя там и тогда, где и когда в обществе возникает конфликтная ситуация, требующая своего разрешения, т.е. преодоления конфликта [Шмитт 1992].

Мы могли бы определить политическое как сферу системного социального конфликта на любом уровне, в любом материале; это та сфера, где постоянно возникают и разрешаются конфликты, причем специфическим образом: путем перевода конфликта из «горизонтального» противостояния сторон в «вертикальное» положение, в котором осуществляется доминирование одной из противостоящих сторон, т.е. отношение господства и подчинения, в «вертикаль власти».

К. Шмитт рассматривал социальную реальность как онтологически предшествующую конкретным проявлениям, таким как государство, управление, политические отношения и институты. Политическое есть обобщение опыта прошлого, усвоение (или формирование) качественного мифа об этом прошлом, определение человеком собственного места в масштабных реальностях истории, и, наконец, формирование определенного плана действий, выработка целей и задач по воздействию на окружающую действительность, которые человек намерен отныне воплощать в жизнь. Политическое — это одна из сфер бытия человека, не более значимая, чем экономическая, технологическая, социальная, моральная, правовая или метафизическая; в то же время эти сферы не могут вытеснить друг друга из человеческой жизни вследствие своей качественной универсальности, и политическое может присутствовать на всех уровнях человеческого бытия. Таким образом, у К. Шмитта политическое обладает тотальностью, в то время как государство ее лишается, становясь лишь формой проявления «политического» — как сущностной противоречивости, конфликтности человеческих отношений. Данное определение представляется слишком общим, подходящим к любому типу социальной деятельности: науке, философии, управлению. Предложим более простое определение политического как власти в социально-организационных формах. Иными словами, если власть выступает в рефлекслируемом виде, имеет своим объектом социальные образования и создает определенные нормы деятельности и их социальных носителей в виде стабильных структур, то мы имеем дело с политическим. Политическое включает субъект, объект, систему ценностей (осуществление власти) и норм (предписываемые стереотипы поведения), а также социальные структуры, непосредственно осуществляющие реализацию властных решений. Таким образом, политическое представляет собой специфическую сферу социальной деятельности, оформляющуюся в тип власти.

Категория политического позволяет исследовать проявление власти, так сказать, синхронически на всех уровнях социальности, начиная с межличностных контактов и заканчивая социумом в целом: в семье, в малой группе, в контактах между группами различного уровня и характера, в отношениях социальных сфер, а также между материальными и духовными процессами. В философском исследовании политического можно отказаться от рассмотрения феноменов власти через призму понятий государства и политики как реализации государственного интереса, подобно тому, как в реальной жизни постепенно уходит в прошлое монополия государства на власть. «Мы не знаем, какой тип исторической системы придет на смену ныне существующему, — считает, например, известный американский социолог И. Валлерстайн. — Но мы наверняка знаем, что та своеобразная система, современниками которой мы являемся, система, в которой государство играет ключевую роль в обеспечении безграничного накопления капитала, не способна более функционировать» [Валерстайн 2004: 104]. Значит, категория политического позволяет исследовать власть и в диахроническом аспекте ее эволюции, в исторических формах. В таком случае можно рассматривать политическое в догосударственных, доцивилизационных образованиях, где складываются своеобразные формы власти как управления отношениями.

Трактовки политического строятся на понимании сущностной противоречивости общественной жизни; политическое при этом приобретает тотальный характер, пронизывая все сферы общественной жизни, поскольку любая социальная активность наталкивается на препятствия (хотя бы в виде статичности ее объекта) и потенциально содержит в себе конфликтную ситуацию, требующую преодоления и рождающую властные отношения.

Категория политического, предложенная еще в 30-е гг. XX в., оказалась востребованной сейчас и уже активно встраивается в категориальный аппарат политологии и философии политики. Она достаточно гибкая и емкая, чтобы вместить вновь открываемое и рефлекслируемое, т.е. осознаваемое, содержание, и в то же время достаточно проницаемая, чтобы не удерживать в своем содержании утяжеляющие интеллектуальные и институциональные оболочки реальных феноменов. Не секрет, что некоторые государственные и муниципальные структуры, имевшие изначально политическое значение, превратились в фикции; реальное политическое управление принадлежит теневым структурам, недостаточно или абсолютно недоступным осознанию большинством граждан.

За всю свою историю Россия пережила ряд модернизаций, и в исторической памяти отложился вывод, что материальные и духовные затраты российского общества на каждую из них намного превышают тот положительный исторический итог, который она дает. По существу, главным итогом любой модернизации, осуществленной в прошлом, являлась усталость нации и осознание жизни, индивидуальной или социальной, как «вечного боя», как непрерывного движения эволюции, порождающей все новые и притом неожиданные догмы социального и политического характера, чреватые, в свою очередь, проблемами, возникающими из неизбежных обстоятельств борьбы нового и старого за существование. В контексте этой все более осознаваемой изменчивости и неустойчивости социальной жизни меняются взгляды на способ бытия социальных феноменов. Взгляд на социальные феномены как обладающие определенным социальным статусом и отлаженными структурами и функциями уступает место представлениям об их мобильности и эволюционности. Сходная картина наблюдается и в области политических знаний. Понятия, ранее принимавшиеся как теоретически обоснованные, теряют свой теоретический статус и требуют выдвижения категорий, более адекватно отражающих динамику политической сферы, основные тенденции ее изменения в современном мире.

Список литературы

Валлерстайн И. 2004. *Конец знакомого мира: социология XXI века* (пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева). М.: Логос. 368 с.

Гаджиев К.С., Примова Э.Н. 2012. *Политология*. М.: ИНФРА-М. 384 с.

Желтов В.В. 2008. *Теория власти: учебное пособие для вузов*. М.: Флинта. 584 с.

Жувенель Б. 2011. *Власть: Естественная история ее возрастания*. М.: ИРИСЭН; Мысль. 546 с.

Кожев А. 2006. *Понятие власти*. М.: Праксис. 192 с.

Кравченко А.И. 2010. *Основы социологии и политологии: учебное пособие для вузов и ссузов*. М.: Академический проект. 352 с.

Крадин Н.Н. 2010. *Политическая антропология*. М.: Логос. 272 с.

Куббель Л.Е. 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука. 171 с.

Лазебный Л.И., Насонова Л.И. 2009. *Социальная онтология обыденного сознания*. М.: Изд-во «У Никитских ворот». 200 с.

Парсонс Т. 1998. *Система современных обществ* (пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой). М.: Аспект Пресс. 270 с.

Пугачев В.П., Соловьев А.И. 2010. *Введение в политологию*. М.: Аспект Пресс. 448 с.

Рикер П. 1995. *Герменевтика. Этика. Политика*. М.: АО «КАМИ»; ИЦ АCADEMIA. 160 с.

Шмитт К. 1992. Понятие политического. — *Вопросы социологии*. № 1.

Weber M. 1992. *Wirtschaft und Gesellschaft*. — Tübingen, Verlag von J.C.B. Mohr (P. Siebeck).

NASONOVA Lyudmila Ivanovna, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of Humanitarian and Socio-economic Disciplines, Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (12 Vrubeľya St, Moscow, Russia, 125080)

LAZEBNYI Leonid Ivanovich, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of Sociology, Russian State Social University (4, bld. 1 Vil'gel'ma Pika St, Moscow, Russia, 129226)

POWER AND POLITICAL: EVOLUTION OF CATEGORICAL STATUS

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the power concept in the modern political science. The result of the analysis is the assessment of the concept of power as a phenomenon of ordinary consciousness that justifies the introduction of the concept of political, which has the status of a scientific category, in political science. As a result, there is a significant expansion and change in the quality of the object of theoretical knowledge.

Keywords: power, notion of political, ordinary consciousness, categorical status

МАРЧЕНКО Геннадий Иванович — к.филос.н., доцент; старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1; gmarchenko@mail.ru)

ПЛАТОН О ПРОРОЧЕСТВЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Аннотация. В данной статье автор поставил перед собою задачу выявления различных аспектов феномена пророчества, которое было широко распространено в античном обществе и играло в нем значимую политическую роль. Суждения о нем Платона разбросаны по страницам многих написанных им диалогов, что потребовало их объединения и систематизации в единое целое. Рассмотрение данного феномена помогает уяснить истоки политического консультирования и целесообразно в целях формирования как истории, так и теории данного явления.

Ключевые слова: Платон, советники, прорицатели, природа прорицания, политическая роль и функции прорицателей

В политике древнегреческого общества — полисах Эллады с очень давних времен возникли фигуры советников, которые в современной лексике именуются консультантами. Такие фигуры возникали из непосредственного окружения правителей — семейного, дружеского; иногда выполняемая ими роль в результате институционализации обрела устойчивую форму. Но чаще всего даваемые советы опирались на ум и опыт советника в совершаемых действиях политиче-